

Op84
P94
A-406299

Павел Рыков

12+

Искушения

Повесть и рассказы

Op 84
P 94
Op 84

84(Р=НН.Р)6-4

Павел Рыков

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

«ИСКУШЕНИЯ»

Повесть и рассказы

[12+]

а - 406299

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Оренбург 2024

18

лары, хоть за фунты стерлингов не было, хоть плачь! И если праздник где-то и проходил, только не там, где Глеб жил. Его улочка – тихая. Сплошь неспешные пешеходы, да по расписанию – горбатая мусоровозка. К бесснежью добавилось безденежье. Прямо-таки фатальное безденежье. Единственно, что спасало – Единый Проездной. С ним можно передвигаться по Москве с этюдником на всех видах общественного транспорта целый месяц за шесть рублей. Можно, конечно, и не ездить, но просто шататься, глазеть по сторонам и отыскивать то, что хочется воспроизвести на картоне или холсте. Можно, в крайнем случае, зафиндлиться к тётке Варе – маминой двоюродной сестре в Сокольники и там, в скособоченном домике, державшемся из последних сил за пожарной каланчой, под усыпляющее тёткино воркование вкусить понятные радости жизни: изрядную миску борща наваристого, на мозговой косточке и парочку «микояновских» котлет с гарниром из сероватых трубчатых макарон. Сероватые трубочки живо напоминали недавнее время пребывания в рядах Кировско-Путиловской дивизии и командира роты капитана Голоту, который делал всё, чтобы одногодичник - интеллиХент Глеб Бородин даже и подумать не смел, что жизнь – это мёд или даже квадратик пайкового сливового повидла, после того, как наотрез отказался оформлять ленинский уголок в казарме.

В тот день он решил поработать недалеко от дома, в Таганке. Здесь ещё сохранились уголки старинной живописной Москвы и дониконианской постройки церковка, изукрашенная по фасаду изразцами. Туда-то он и направился. Свернув за угол, оторопел – впереди, у самой красной её стены стояла пожарная машина, возле которой что-то собирались делать пожарные в своих скафандрах, и ещё какие-то люди, явно не пожарного вида. Он ускорил шаг. Поравнявшись с машиной, увидел: боец направил ствол на дерево стоящее напротив дверей церкви. Машина взревела, из брандспойта ударила струя белой пены. Человек в тулупе указывал пожарному, куда надо направлять струю пены, обволакивающую голые ветви.

- Чего это он делает? - спросил Глеб у девицы, одетой в пальтецо, как бывалоча говаривала бабушка: «на рыбьем меху».

- Нужен иней по кадру. А инея во всей Москве не найти. - отвечала девица, постукивая каблуком о каблук дрянненьких, коротких

сапог московского пошива, и напрасно пытаюсь согреться, обхватив сама себя руками.

Машина ревела. Пена хлестала. Сигарета в губах девицы подрагивала как бы в такт машинному рёву. А на деле - от холода, потому что у неё и губы тряслись. Старый, разросшийся клён действительно начинал походить на дерево, покрытое инеем, как это бывает, когда после занудной, промозглой московский ростепели и тумана под утро сойдёт с небес на город нежданно-негаданно настоящий русский мороз. Он опустится, всё вокруг объемля, вмиг сотворит романтическую иллюстрацию к зимней сказке. И сразу захочется верить, что вот-вот навстречу и взаправду вывернет из-за угла Дед Мороз в синей шубе до пят, расшитой серебряными звёздами. Пожалуй, это то, что надо - решил Глеб. Можно поставить этюдник и попробовать запечатлеть рукотворное чудо, поразительно похожее на настоящее.

- Атаманша! – Из-за пожарной машины вывернула губастая тётка в тулупе с выпученными лягушачьими глазами. – Где твой поп? Сейчас начнём, а попа нет.

- Я что могу поделаться! – Может, заболел, Может, запил.

- Ты знаешь, что сейчас будет! – с понижением голоса до хрипоты сказала лупоглазая.

- Знаю. Но где я его возьму?

- Да вот же вылитый попяра! – Лупоглазая рукою в тёплой и нарядной варежке указала на Глеба. – И борода у него своя. Рыжая!

- Ой, и правда! – обрадовалась, было, подсказке девица и осеклась тут же. – Только он молодой. А по сценарию должен быть осанистый батюшка.

- Может, и лучше, что молодой... - махнула рукой Лупоглазая. Да и потом, это не первый план. Давай, решай вопрос ... Надо снимать, пока солнце не ушло.

- Вы в кино хотите сняться? – Повернулась к Глебу девица. Губы у неё от холода синюшные, нос курносенький, обшмыганный какой-то. Но глаза!!! Никогда он не встречал таких огромных, невероятных, ошеломляющих, прямо-таки аквамариновых глаз. Если писать такие – нужны голландские краски.

- В кино?

- Да!

- Не знаю, не знаю... У меня другие планы, если честно.

Той порою, пена из брандспойта перестала извергаться.

- А мы заплатим. Тут и работы всего ничего. Одна проходочка. Но зато пять рублей.

Это аргумент. Он сразу прикинул: две пачки «микояновских» пельменей. Хлеб, цибик чая, можайское молоко, масло. И сигареты кубинские с белым парусом на синем фоне.

- А что делать-то?

- Пойдёмте. Вы художник?

- Нечто вроде.

- А паспорт с собой?

- А паспорт зачем?

- А деньги? Без паспорта денег не будет.

Обогнув красную тушу пожарной машины, Глеб понял, что действие здесь развёртывается серьёзное; У ступеней подъезда дома сталинской постройки проложены рельсы, на которых стояла тележка, а на тележке громоздкая, укутанная в толстый чехол съёмочная камера. Вкруг камеры толпился народ, стояли осветительные приборы на раскоряченных треногах. Вдоль тротуара расположились несколько разномастных автобусов, на дверцах которых красовалась знаменитая эмблема «Мосфильма» - мухинские мужик с молотком и тётка с серпом.

- Тонваген, лихтваген, - проходя мимо автобусов, поясняла девица и добавила, - А меня вообще-то Анастасией зовут. Можно - Настей. А вас как?

- С утра Глебом звали.

- Ха... А вечером как?

- Будет посмотреть. В зависимости от разбавителя.

- Какого разбавителя?

- Краски которым разбавляют.

- Вы и, правда, художник?

- Если заплатят...

- Ну, мы-то заплатим. Паспорт с собой?

- Да! - Утвердительно ответил он и вспомнил тут же, что паспорта как раз и не было. Собираясь на этюды, он снял пиджак, в кармане которого лежал паспорт и натянул верблюжьей шерсти рыжий водолазный свитер, подаренный дядькой. Свитер, вроде бы, позволял продержаться на морозе довольно долгое время. Но, бог с ним, с паспортом. Кино - это то, что следовало посмотреть, или хотя

- Настя-джан, это кто это, а? Ты мне скажешь?— спросила она девицу с характернейшим армянским интонированием.

- Вай, ме! Не удивляй меня, разве это поп? А? Или я не вижу, у него и живота нет! Он ещё только попёнок? У меня и шуба для попа, мамой клянусь, на три размера больше!

- А он и согласился, - не без ехидство констатировала баба Яга. – Попробовал бы только! Как тебе, такой голубоглазой отказать! Она же тебе понравилась? – обратилась она к Глебу? – И, не дожидаясь ответа, добавила – Вижу, что понравилась! Молодая и голубоглазая. Не то, что я – старая и черноглазая! Мне что? Я человек маленький, мамой клянусь! Пусть будет этот! – Снимай своё пальто!

И они вышли из автобуса. Анастасия перевела его через дорогу к стене церковки и сказала, что когда прозвучит команда, Глебу нужно будет пройти вдоль церковной стены и повернуть налево.

- И ничего играть не надо?

- Какая тут игра! Просто поп просто идёт по улице.
- А о чём он думает?
- А о чём ему думать? Он же поп, за него давным-давно боженька всё продумал.
- А команда, какая?
- Услышите слово «Мотор», и начинайте движение.

У камеры продолжалось шевеление людей. Они о чём-то спорили. Собственно говоря, спора, как такового, и не было. Говорил фальцетом всё больше один, судя по всему, самый главный, если судить по повелительной жестикуляции, коротышка в дубленке цвета крепкого кофе со сливками и в лохматой светло-коричневой шапке, напоминающей чем-то шарик готового облететь одуванчика, надвинутой по самые уши. Рядом стояла лупоглазая, и что-то записывала в большой общей тетради. Остальные почтительно внимали. Изредка вставлял что-то маловразумительное высоченный человек в тёплой импортной куртке с невероятным количеством карманов и явно импортном меховом картузе, указывающий время от времени рукой на дерево, укутанное в искусственный иней, и в сторону церкви. Над ними висел микрофон, словно комок привады на крючке длинной металлической удочки, у основания которой стоял с капитанской трубкой в зубах толстый-претолстый парень, укутанный в тулуп, и умотанный в шарф, от чего казался ещё более толстым. Наблюдать за всем этим Глебу было интересно, и он мысленно уже отказался от идеи этюда с заиндевелым деревом и церковной оградой. Тут явно просматривалась жанровая картина. И он впитывал, вбирал в память всю улицу, диковинные киношные машины, камеру на площадке, стоящую на рельсах, осветителя с трубкой, человека в дублёнке кофейного цвета и уже начинал сожалеть о своём согласии, участвовать в съёмке, потому что остро захотелось установить на разлтых ножках этюдник и начать писать увиденное. Тем более, что псевдопоповская шуба грела плохо, несмотря на, якобы, рысий воротник, а голова зачесалась от шапки.

Но вот, споры у камеры закончились, Человек в куртке начал заглядывать в видоискатель, зажглись среди бела дня светильники, перед камерой возникла долговязая девица в армейском бушлате, прямо скажем ей великоватом, с дощечкой в руках. Она что-

то пробормотала, потом громко произнесла: «Мотор» и хлопнула верхней частью дощечки о нижнюю. Глеб очнулся от дум и пошел, как ему было наказано, в сторону церковного угла.

- Стоп! Стоп! Стоп! – закричал надрывным голосом человек в дублёрке. - Вы убить меня хотите? Вы смерти моей лютейшей желаете? Окончательной? Бесповоротной? Похоронить за счёт профкома в бутафорском гробу? Откуда взялся поп с ящиком? Откуда у попа ящик?

- Да! Откуда ящик? – Сипло подхватила Минервина. - Атаманша! Откуда у попа ящик?

- Это не ящик! – крикнул Глеб. – Это этюдник!

- Он художник. – откликнулась ниоткуда возникшая Анастасия. - Ящик не из реквизита. Он его собственный!

- Нет! вы посмотрите на них! – по-прежнему на высоких тонах, словно его режут, кричал человек в дублёрке. – Мы кино не про Андрея Рублёва снимаем! Вы хотите фильм на полку положить? – возвысил он голос до высот подлинного трагизма - Никаких этюдников! Где вы видели в сценарии этюдники?

- Где? – подхватила крик сипатая Минервина. – В сценарии у нас Новый Год! Праздник! Поп идёт с подарком. А не с каким-то этюдником! – И она ударилась в лающий хрипатый кашель от переполнявшего её негодования.

Анастасия уже несла Глебу от автобуса большого пластикового красного слона в фирменном прозрачном пакете, будто только что снятого с прилавка в Детском Мире:

- Давайте этюдник. Он в автобусе будет.

- Вооот! Вооот! Теперь то, что нужно! – Вот это поп? Любо-дорого, что за поп! Румяный! Бороду ему Наташа-умничка какую подобрала? – восхитился человек в дублёрке и никакого трагизма в его голосе, как ни бывало.

- У него своя борода! – буркнула Лупоглазая

- Зам-мечательно! Приготовились! Начали!

Опять прозвучала команда «мотор», опять засияли светильники, опять сухо хрястнула хлопушка, и Глеб зашагал вдоль церковного забора. Он уже почти дошёл до угла... И тут навстречу из-за угла вывернули и преградили ему путь две немолодые тётки:

- Батюшка! – обратилась к нему одна. – Благословите вопрос задать.

Глеб оторопел. Надо было что-то ответить. Но ничего церковно-славянского, кроме невесть откуда затесавшегося слова «епитимья», в его лексиконе не было. А женщина продолжала: - Служба-то вечерняя сегодня, как обычно?

Глеб решил, что вопрошающую надо бы осенить крестом. Но только как крестить: справа налево или наоборот. Но тут опять над-рывным голосом закричал человек в дублёнке:

- Уберите! Уууууберииитеее тётки! Кто пустил? Что у нас милиция в оцеплении дремлет?! Ааааа?!

Из-за угла возник милицейский сержант:

- А, ну-ка, осадите, гражданочки, взад. Тут кино снимают. А вы, понимаешь ли...

- Нам взад не надо. Нам вперёд. Мы на работу в ресторан. В «Каму» – И они замахали руками, указывая в сторону своего заведения. - Посудницы мы тамочки!

- А я сказал, осадите взад!

И в третий раз, изрядно уже промёрзший, несмотря на водолазный свитер, Глеб встал на исходную позицию. И в третий раз прозвучал треск хлопушки и командное слово «Мотор». Глеб двинулся, было, вперёд, но тут издал трубный глас человек в импортной куртке с множеством карманов:

- Стоп! Салааат! – и голос его просел до сверхтрагичного «профундо», каким обычно провозглашают в церкви «Вечную Память».

- Что за салат? – спросил он возникшую рядом Анастасию.

- Плёнка замерзла. Камера её порубила. Это надолго...

- Я успею за паспортом сгонять?

- Далеко? – спросила Валентина.

- Две остановки на трамвае.

Он оставил красного слона в автобусе, схватил этюдник и, не переодеваясь в своё пальто, побежал на трамвай.

Дом, в котором Глеб жил, славной купеческой постройки, с высокими потолками, украшенными лепниной, и окнами, в рамках которых ещё сохранялись, вставленные в верхнюю фрамугу, замысловатые, дутые стекла-квадратики. Он поднялся к себе на второй этаж и обнаружил, что дверь в соседнюю квартиру открыта. Накануне несколько дней подряд оттуда вывозили старую мебель, кухонную утварь, какие-то узлы. Квартира-то коммунальная на три хозяина. Похоже, её расселяли. Для кого только? Теперь ясно, для

кого. В дверях стоял высокий мужчина в дорожном, импортном, кашемировом пальто и стильном «пирожке» из пыжика.

- Соседями будем, батюшка? – наиприветливейше улыбнулся он во весь золотозубый рот Глебу. – Меня можете Константин называть. Я – грек православный, хотя член партии, Второй Хладокомбинат, главный инженер.

- Так это вы здесь теперь поселитесь?

- Вот, только приведу квартиру в божеский вид... А вы, я смотрю, священник?

- Скорее, художник...

- Ты художник? – спросил мужчина, легко переходя на «ты» и указывая на этюдник. – Я ужас, как картины люблю. Такие... знаешь – И он пошевелил пальцами. – Вот заселюсь и пригласишь?

- Меня зовут Глеб. Почему не пригласить... Приглашу, раз в соседях жить будем...

На съёмочную площадку Глеб вернулся вовремя. Синеглазая Настя уже ждала его с красным конём. Вскоре прозвучала команда «Мотор» и Глеб прошествовал мимо церковной ограды, изображая служителя культа. Ему было невдомёк, какие страсти кипели на Худсове по поводу попыток протащить поповщину в фильм – слишком свежими оставались воспоминания о недавних хрущёвских гонениях на церковь. А тут поп – и не толоконный лоб, не пьяный, не растлитель монашек, а просто поп на улице Города-Героя, столицы Родины, да ещё в год юбилея Победы! К тому же, в кадре действующая церковь, мимо которой поп проходит. И всё это в фильме для детей-пионеров о послевоенных судьбах фронтовиков-победителей. Сошлись на какой-нибудь нелепой детали, снижающей пафос появления распространителя религиозного дурмана во вполне советском фильме. Для того и нелепый красный конь придуман! Хотя режиссёр-постановщик в дублёнке цвета крепкого кофе с молоком подозревал, что на сдаче фильма Худсову этот кадр потребуют всё равно вырезать, как диссонирующий и на что-то такое намекающий. Он знал это почти наверняка. Помнил, как его били почём зря на других фильмах, которые он ставил, или снимался, как актёр за всякую ерунду, усматривая в кажущейся ерунде намёки и всяческие легко прочитываемые аллюзии.

Собственно говоря, на этом съёмочный день и закончился. Ушло солнце. Глеб залез в автобус. Баба-Яга открыла термос и

милостиво налила ему и вошедшей вместе с ним Атаманше горячего чая из красного китайского термоса. Чай пришёлся кстати. Киношуба, не грела, но, казалось, втягивала под себя холод. Пальто, висевшее в автобусе на плечиках, тоже намёрзлось. Но всё равно в нём было теплее. Следом в автобус буквально впрыгнул мужичок с папочкой.

- Так... Где тут попик? Батюшка, предъявите паспорт! Он взял паспорт Глеба и бисерным почерком переписал данные в какую-то ведомость. И спрятал ведомость в папочку.

- А деньги? – спросил Глеб.

- А за деньгами надо приехать на студию...

- Я-то думал, прямо сейчас.

- Хе! Ты посмотри на него, Атаманша! Деньги! С вас бы, молодой человек приятной наружности, причитается, за то, что в фильм поместили! Это же навеки! В пожилые годы поведёте внуков в кино на себя, молодого смотреть. В кинотеатр Повторного фильма. У Никитских ворот. А выплата через два дня. Приедете на студию с паспортом. Анастасия, объясни куда... - И он выпрыгнул из автобуса.

Да... Похоже, с пельменями от Микояна придётся погодить. Можно, конечно, залезть в НЗ и позаимствовать отложенные для квартплаты деньги... или ехать в Сокольники. Или, в Малый Гнезниковский, где квартировал однополчанин Заур, с которым вместе шли на дембель. Заур в родной Кобулету не поехал. Вцепился в Москву. Стал завсегдатаем ступенек Главтелеграфа, где отводил душу в разговорах с соплеменниками и поступил дворником не где-нибудь, а на улице Максима Горького возле самого Моссовета и ещё подрабатывал грузчиком в овощном магазине, где властвовала необъятная и страстная до отъятия ума Дуся- продавщица. Так что, в его казённой квартире всегда водился, хоть и вегетарианский, но закусон. Видно, выражение лица у Глеба было таково, что Баба-Яга милостиво подлила ему горячего чая в кружку и достала из глубин кармана мятный пряник. Из автобуса они вышли вместе с Настей. Кинообоз сворачивался. Вместе пошли в сторону метро.

= Анастасия! Так ты что же.. Надумала? – догнал их мужичок, записывавший паспортные данные Глеба.

- Володя, я тебе всё сказала ещё вчера.

- Но ты всё-таки раскинь мозгами..

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.